

Джон Барт
ТВОРЧЕСКИЙ
ОТПУСК

John Barth
SABBATICAL

A Romance

Джон Барт
ТВОРЧЕСКИЙ
ОТПУСК

Рыцарский роман

Перевод с английского
Максима Немцова

phantom press

Москва

SABBATICAL by JOHN BARTH

Copyright © 1982 by John Barth
Foreword © 1996 by John Barth

Примечание: ошибки первого издания в этом автор исправил.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency

Перевод Максима Немцова
Редактор Шаши Маргынова

Джон Барт

Б26 Творческий отпуск: Рыцарский роман / Пер. с англ. М. Немцова. — М.: Фантом Пресс, 2024.

Американскому постмодернисту Джону Барту (р. 1930) в русскоязычном пространстве повезло больше многих, но это неточно. Изданы переводы трех его ранних романов и одного позднего, хотя два его классических шедевра фабулистики — «Торговец дурманом» и «Козлик Джэйлз» — еще ждут своих переводчиков и издателей. Сам Барт уже давно и заслуженно легендарен: он член Американской академии искусств и словесности и у него под десяток американских и европейских призов и наград (из них три — по совокупности заслуг и за вклад в современную литературу).

Изданием перевода его романа «Творческий отпуск: рыцарский роман» (Sabbatical: A Romance, 1982) («Додо Пресс» и «Фантом Пресс» надеются заполнить эту зияющую пропасть в знакомстве русского читателя с произведениями этого столпа американской литературы. Условный «средний период» творчества Барта можно с некоторой оглядкой считать не таким ироничным, как дело обстояло в начале его литературного пути, хотя пародия по-прежнему остается его ключевым литературным приемом, а игра слов и словами — излюбленным фокусом. Отталкиваясь от литературной традиции, Барт по-прежнему плетет свои «мета-нарративы» буквально из всего, что попадает под руку (взять, к примеру, рассказ «Клик», выросший из единственного щелчка компьютерной мышью), однако фантазии его крайне достоверны, а персонажи полнокровны и узнаваемы. Кроме того, как истинный фабулист, Барт всегда придавал огромное значение стремительности, плавности и увлекательности сюжета.

Так и с «Отпуском». Роман его, в самых общих чертах, основан на реальной гибели бывшего агента ЦРУ Джона Пейсли в 1978 году. Одиннадцать лет Пейсли служил в Управлении и в отставку вышел в должности заместителя директора Отдела стратегических исследований; он был глубоко вовлечен в работу против СССР. После отставки жизнь его пошла наперекосяк: они расстались с женой, сам Пейсли стал участвовать в семинарах «личностного осознания» и групповых сессиях психотерапии. А в сентябре 1978 года, выйдя на своем шлюпе в Чесапикский залив, бывший агент исчез. Тело его обнаружили только через неделю — с утяжеленным поясом ныряльщика и огнестрельной раной в голове. Однозначного ответа на вопросы о причинах его гибели нет до сих пор. Агенты ЦРУ, как известно, никогда не бывают «бывшими». В романе Барта, конечно, все немного не так. Бывший служащий ЦРУ Фенвик Скотт Ки Тёрнер — возможно, прямой потомок автора гимна США, написавший разоблачительную книгу о своих прежних работодателях, — и его молодая жена — преподавательница американской классической литературы Сьюзен Рейчел Аллан Секлер, полуеврейка-полуцыганка и, возможно, потомка Эдгара Аллана По, — возвращаются в Чесапикский залив из романтического плавания к Карибам. По дороге они, в общем, сочиняют роман (есть версия, что он стал следующим романом самого Джона Барта), stalkиваются с разнообразными морскими приключениями и выбирают из всевозможных передраг. Их ждут бури, морские чудовища, зловещие острова — а над всем нависает мрачная тень этих самых работодателей Фенвика...

Сплетенный сразу из всех характерных и любимых деталей творческого почерка Джона Барта, роман скучать читателю точно не дает. Удивителен он тем, что, по сути, отнюдь не тот «умный» или «интеллектуальный» роман, чего вроде бы ждешь от авторов такого калибра и поколения, вроде Пинчона, Хукаса и Бартели, с которыми русскоязычному читателю традиционно «трудно». Это скорее простая жанровая семейная сага плюс, конечно, любовный роман, но написан он с применением постмодернистского инструментария и всего, что обычно валяется на полу мастерской. А поскольку мастерская у нас — все-таки писательская, то и роман получился весьма филологический. И камерный — это, в общем, идеальная пьеса со спецэффектами: дует главных героев и небольшая вспомогательная труппа прожигают у нас на глазах примерно две недели, ни разу не заставив читателя (подглядывающего зрителя) усомниться в том, что они реально... Ну и, чтобы и дальше обходиться без спойлеров, следует сказать лишь еще об одной черте романа — о вписанности текста в территорию (вернее, акваторию; не карту, заметим, хотя иметь представление о складках местности не повредит). Тут уж сам Чесапикский залив — одно из тех мест, которые, конечно, можно читать как книгу. Плавание по этим местам будет вполне плавным, но извилистым.

ISBN 978-5-86471-968-8

© Максим Немцов, перевод, 2021
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2024

Содержание

9	Предисловие
15	I. БУХТА
17	1. Ки
101	II. ВВЕРХ ВЕДЕТ НАС ЧЕСАПИК, ВВЕРХ ВЕДЕТ НАС ЧЕСАПИК, ВВЕРХ ВЕДЕТ ЗАЛИВ ЧЕСАПИК
103	1. Соломон
212	2. Уай
275	III. РАЗВИЛКА
277	1. От Уая к Гибсону. Под мостом
316	2. От Гибсона до Какауэя. Развилка
418	3. Какауэй. Наперекор стихиям
473	<i>Краткий словарь морских терминов</i>

Посвящается
Шелли¹

1 Шелли Розенберг (р. 1945) — вторая жена Джона Барта (с 27 декабря 1970 г.); они познакомились, когда Барт преподавал в Университете штата Пенсильвания (1953–1965), а Шелли там училась. — *Примеч. перев.*

Предисловие

«Творческий отпуск. Рыцарский роман», написанный между 1978 и 1981 годом после моих семилетних занятий романом «ПИСЬМЕНА», действительно оказался творческим отпуском от этих затянувшихся замысловатых трудов. Первоначальным рабочим названием проекта было «Половое воспитание и творческий отпуск»; я замышлял не книгу, а причудливого сиамского близнеца, состоящего из фантастического игрового сценария (о постмодернистском любовном романе между скептически настроенным сперматозоидом и сопоставимо бдительной яйцеклеткой), за коим следует реалистический роман, а в нем действуют средних лет *Ното sapiens* мужского пола, не так давно вышедший в отставку из ЦРУ, и его супруга — несколько моложе, недавно забеременевшая, быть может, от консуммации любовного романа из того самого сценария, при этом она еще может решиться на аборт. К худу ли, к добру ли, но, как и случается при довольно многих двуплодных беременностях, потомок послабее угас *in utero* (дабы воскреснуть так или иначе в романе «Приливные преданья» [1987]). Выжила та работа, которую вы сейчас держите в руках, изложенная с точки зрения, каковую, полагаю, сам я и изобрел: сдвоенный-голосот-первого-лица хорошо спаренной пары.

Сюжет подсказала случившаяся в водах по соседству со мной — в Чесапикском заливе — любопытная кончина некоего г-на Джона Артура Пейсли, высокопоставленного оперативного сотрудника Центрального разведывательного управления США, рано вышедшего в отставку: в конце сентября 1978 года он исчез с борта своего шлюпа «Варкál»¹ во время одиночного ночного плавания при хорошей погоде в этом обычно спокойном устье. Вскоре после шлюп обнаружили на мели без людей на борту, все паруса подняты, на камбузе полуприготовленный обед, никаких признаков преступления и т. д.; тело владельца/скипера, поднятое газами разложения, всплыло еще через неделю, к поясу подвешены сорок с чем-то фунтов ныряльных грузил, за левым ухом отверстие от 9-мм пули. В те благословенные дни холодной войны, когда между ЦРУ и КГБ царил неразбериха, когда более-менее невменяемые главари разведки, подобные Лаврентию Берии в Советском Союзе или Джеймсу Джизесу Энгл-тону в США, видели или подозревали кротов среди кротов среди кротов, «дело Пейсли» удостоилось широкого местного и некоторого национального внимания, что должным образом отозвалось и в романе. Прикончил ли этого парня КГБ за то, что он обнаружил их Крота у нас в Управлении? Или ЦРУ, потому что сам Пейсли был Кротом? Либо те, либо другие, поскольку он лишь с виду удалился в отставку от контрразведывательной работы, чтобы из-под прикрытия своего парусника наблюдать за высокотехнологичным шпионским оборудованием, которое Советы, как подозревалось, прятали на базе отдыха своего посольства в США аккурат на другом берегу широкой и безмятежной ре-

¹ Здесь и далее стихотворение Льюиса Кэрролла «*Jabberwocky*» (опубл. 1871) цит. преимущественно по пер. Д. Орловской. — *Примеч. перев.*

ки Честер напротив того места, где я пишу эти слова? И так далее. Кое-какие души, не настолько подвижные интригой, меня включая, воображали, что парняга попросту покончил с собой, какими бы сложными ни были у него на то личные причины и невзирая на некоторые странные подробности и подозрительные неразрешенные нестыковки (см. роман), — однако к концу американских 1970-х человек уже выучивал, что паранойю, касающуюся контрразведывательных заведений, частенько превосходили как паранойя *внутри* самих этих заведений, так и сами факты, когда и если всплывали они на поверхность.

И действительно, за изыскания по истории США, которые я проводил в то десятилетие для романа «ПИСЬМЕНА», вместе с происходившей в те же времена эскалацией войны во Вьетнаме я поплатился значительной долей собственного простодушия касаясь нравственности нашего национального прошлого и настоящего, а особенно в том, что относилось к международной политике и таким учреждениям, как ФБР Дж. Эдгара Хувера и ЦРУ Аллена Даллеса, чьи секретные, нередко противозаконные действия, как обнаружил я, богаты на прецеденты — вплоть до времен Джорджа Вашингтона и его администрации. С учетом нашей политической географии значительный объем такой деятельности, оказывается, имеет место в приливных водах моей малой родины и вокруг них. См. романы.

Пока я долго писал «ПИСЬМЕНА», мне с моей молодой женой выпало перебраться обратно к этим родным водам после двадцатилетнего отсутствия — преподавать в Джонзе Хопкинзе, моей альма-матер, и на нашем круизном паруснике впервые увлеченно исследовать громадную дельту, на, в и вокруг которой я вырос. В те напряженные времена отрезвляло ви-

деть красное знамя с серпом и молотом над вышеупомянутым приютом советского посольства на другом берегу реки и отмечать на наших навигационных картах (изобилующих Опасными Зонами и Запретными Участками) восемьдесят с лишним сооружений Пентагона, разбросанных по этому хрупкому побережью, — включая и сам Пентагон, Военно-морскую академию США и заведения Арсенала Эджвуд по разработке химического и биологического оружия, не говоря уже о нескольких «конспиративных адресах» ЦРУ и штаб-квартире самого Управления. Отрезвляло проплывать у Аннаполиса мимо случайной подлодки с ядерной ракетой, чьей огневой мощи хватило бы для сокрушения целого континента, и знать, что среди собратьев по круизам и соседей по якорной стоянке найдется немало федеральных служащих, включая адмирала-другого, при исполнении или в отставке, работающего и в отпуске, и случайно затесавшегося шпиона из Управления, занимающегося тем же, — то есть, вероятно, тем же. Отрезвляло и плавать по тем же приятным водам, куда вторгнулся британский экспедиционный корпус в Войну 1812 года — жег Вашингтон, бомбардировал Форт Макхенри в Балтиморской гавани и вдохновлял нас на национальный гимн, — водам, все более перегружаемым сельскохозяйственным стоком с тех самых пор, как первые европейские переселенцы вырубали здесь леса, чтобы в XVII веке разводиться «дурман»; промышленными отходами с конца XVIII и XIX веков; военными сбросами и жилищным строительством в веке XX; и историей, более-менее охватывающей весь этот период.

«Творческий отпуск» оглядывает все это, быть может, там и сям даже пытается переиграть наблюдаемое в гляделки, но вообще-то роман лишь на полях повествует о Страна-Чудесных махинациях ЦРУКГБ и аме-

риканских наследиях, представленных (в романе) Фрэнсисом Скоттом Ки и Эдгаром Алланом По. Первоначально и в конце концов история эта есть то, что заявляет подзаголовок, а именно — рыцарский роман, причем в нескольких смыслах этого понятия.

Дж. Б.

Ручей Лэнгфорд, Мэриленд, 1995 г.

— *Постскриптум, вероятно свидетельствующий о том, что истина постмодернее вымысла:*

После первой публикации «Творческого отпуска» в 1982 году от некоторых бывших коллег несчастного мистера Пейсли и моих читателей я узнал, что он под конец полюбил заявлять, дескать, «в жизни, как и на шоссе, пятидесяти пяти хватит» (в этом возрасте его не стало). Мало того — и это гораздо острее, отрезвляющее, головокружительней, — мне сообщили, что покойный оперативник Управления был поклонником моих романов, особенно «Плавучей оперы» и «Торговца дурманом», отчего мне приятно воображать, что наслаждался он ими во времена посчастливей, плывая по Чесапику на своем «Варкале».

Покойтесь с миром, сэр: всплыв в «Творческом отпуске» как в Заливе (и вновь оказавшись на поверхности в преемнике этого романа — «Приливных преданьях»), вновь по водам моего вымысла вы не поплывете.

I

Бухта

1

Ки

Исторья началась бесспорно:
Сюзи и Фенн... — *рек Фенвик Тёрнер.*

О, расскажи ж ее повторно! —
Взрыдала Сьюзен Секлер...

Седобрад Фенн был бы счастлив попробовать еще разок; мы¹ возились с нашей байкой весь этот отпускной вояж: осенью вниз по Межпобережному на нашем прогулочном паруснике «Поки, о. Уай» от Чесапикского залива до Мексиканского, а затем к Юкатану; по Карибью, прыгая с острова на остров всю мягкую зиму 1980-го; а в мае — наш первый переход по открытому морю от Сент-Джона, который из Виргинских островов США, напрямиком к Вирджинским мысам, Чесапикскому заливу, острову Уай, замкнуть круг, конец творческого отпуска. Но, прежде чем воззовет Фенвик к темноглазой музе своей, единственному слушателю, редактору, напарнице, жене, лучшей подруге, его на две ночи и день прерывает

1 Вот это самое «мы», те стишки, слезы Сьюзен, эти примечания внизу отдельных страниц — все прояснится со временем. — *Здесь и далее примеч. автора, если не указано иное.*

ШТОРМ В МОРЕ,

*при коем мы утрачиваем важную навигацкую карту
и чуть не теряем наше судно и свои жизни.*

Хоть сами и не стремимся к нему, ненастью мы не чужие. Матерый Фенвик — безвласый, бурый, брадатый, бочкогрудый — моряк с детства; смуглая Сьюзен, сообразительная и статная, — с нашей женитьбы семь лет назад. У нас в мелководном Чесапике, где зыбь крута, а пространство для маневра узко, если прогноз угрожающ, мы не выходим из порта. Но даже самый робкий моряк время от времени бывает застигнут непогодой и принужден задраивать люки, определять место по прокладке, брать рифы или убирать паруса, держать курс на открытую воду и скрещивать пальцы. Мы вынесли достаточно шквалов, особенно в Заливе и чернильно-синем Карибье, и были разумно уверены в крепком «Поки» и самих себе; мы считали, что на долгом обратном пути к непогоде готовы.

Но переход наш до сих пор оказывался обезоруживающе легким: от вахты к вахте судно выбегало на пассатах, его несло по Антильскому течению сапфировыми днями и алмазными ночами; прыгучий рыскающий рывок с лавированием против ветра через Гольфстрим, где между собою бодаются течения и бриз; а затем по очереди выбеги, лавирования и пробеги, меж тем как среднеширотные ветра то крепчают, то затихают вразмашку. То облачно, то ливень, то солнце — шли мы по очереди голозадо и свитеро-во, — но без штормов, даже когда держались подальше от Места, Затопившего Две Тысячи Судов: мыса Хаттерас и его окрестностей. Вот мы, по нашим лучшим прикидкам, в одном дне от берега: после пяти суток хода на норд по 70-му меридиану мы сверну-

ли за угол и скользим на вост вдоль 37-й параллели к Хэнку и Чаку¹, взяли круто к легкому зюйд-весту и никуда не спешим. Желаем пересекать полосы движения крупных судов, сгущающиеся в устье Залива, при дневном свете; мало того, с утра барометр упал и метеорологи запели иначе: в рожу дует с норда, порой порывами.

После заката на рваных тучах видим отраженное зарево городских огней из-под горизонта впереди: Вирджиния-Бич, прикидывает Фенн и надеется, что мы достаточно мористее. От названия у Сьюзен спирает в горле; на глаза наворачиваются слезы. Фенвик знает почему². Ветер стихает; мигая, высыпают звезды; «Поки» полощет парусом и переваливается на океанской зыби. Нам видны ходовые огни далеких сухогрузов.

Дабы подбодрить загрустившую подругу, Фенн обнимает ее покрепче и произносит ей в волосы начальный стих; всхлипнув, Сьюзен сглатывает слезы и отвечает своим стихом ему в фуфайку. Она не на вахте, но задержалась в рубке поглядеть, что к чему в смысле погоды, а также избежать каюты, вызывающей морскую болезнь на суденышке, затерявшемся среди океанского наката. Запустить ли дизель, рассуждает Фенн, чтоб встать носом к открытому морю и проверить бортовую качку? Поставить грот и убрать генуэзский стаксель, пока не возвратится бриз, чтоб не терлись о ванты? Ладно, решает он и сверяется с компасом через плечо Сьюзен, все это время размышляя, какими словами лучше всего продолжить «Жили-были».

Хрясть! Хлобысь!

1 Клички, данные Сьюзен мысам Хенри и Чарлз при входе в Чесапикский залив.

2 Как узнает и читатель чуть погодя.

РАЗГОВОР О РЕЧИ

*три дня спустя, стоя надежно на якоре в бухте По, остров
Ки, Вирджиния¹*

СЬЮЗЕН: Хрясть!? Хлобысь!?

ФЕНВИК: Точняк, к черту. Тот шторм налетел как сравнение-обрез.

С: Как...?

Ф: Как то, что я никогда прежде не видел, Сюз. У меня ибицкий палец на кнопке стартера, ей-ей, и тут же я торчмя задницей лечу вниз по трапу. Думал, как-то ибицкую крышку сорвало. Помню, спрашиваю себя, не оставили ль мы открытым ибицкий клапан на баллонах с пропаном после ужина? Я не видал никогда, чтоб буря вот так налетала откуда ни возьмись, да вдобавок и всухую. Ни молнии, читатель; ни грома; ни дождя; звезды сияют — и тут блям! Беспрецедентно, по моему не то чтоб незначительному опыту.

С: Хрясть.

Ф: Хлобысь.

С: В «Поэтике» Аристотель проводит различие между лексисом и мелосом — «речью» и «песней» — и рассматривает их по отдельности, ибо в аттической драме вообще-то присутствовали как произносимые диалоги, так и хоровые песнопения. У меня на занятиях «Элементы художественной литературы» для второкурсников мы пользуемся Аристотелем как учебником, но я объединяю лексис и мелос общим заголовком «Язык». Под этим заголовком мы рассматриваем все вопросы интонации, стиля, дикции, действенного управления диало-

¹ И восстановлено здесь по записной книжке Фенвика для нашего рассказа, где Сюзен временами кажется педантичнее, чем ей это вообще свойственно.

гом, стратегического размещения метафоры и всякое прочее.

Ф: Мне это представляется разумным, Дуду¹.

С: Большинство критиков согласилось бы, мне кажется, что некоторый диапазон и разнообразие речи — не только в разговорных манерах различных персонажей в рассказе, чтобы помочь различать их и характеризовать, но и в самом преобладающем голосе рассказчика — может и освежать, и быть стратегически значимым: в этом смена риторического темпа, очеловечивающий сдвиг перспективы. Я думаю о старом короле Лире: вот он высокопарно неистовствует против мирового ханжества, а через секунду бормочет: «Ну, ну, ну, ну, тащи с меня сапог; покрепче; так». Как об этом выражается Эдгар: «О смесь бессмыслицы и здравой мысли!»²

Ф: Эдгар По?

С: Эдгар, сын Глостера, в пьесе Шекспира.

Ф: Ну и учителька ты, Сьюз. Неудивительно, что твои студенты в тебя влюблены.

С: Спасибо.

Ф: Мы с Аристотелем по части всей этой речи на твоей стороне.

С: Но *Хрясть! Хлобысь!* Ты превращаешь наш рассказ в комикс!

Ф: От того ветра он вообще едва не свелся к афоризму. И даже без ибицкой Береговой охраны, которая чуть на нас не налетела. Ай-я-яй: теперь мы знаем, почему их называют погром-катерами.

С: Итак: после четырех тысяч лет великолепной литературной традиции рассказов о морских путешествиях,

1 Креольское выражение приязни, недавно подхваченное говорящим в Гваделупе, Французская Вест-Индия.

2 Уильям Шекспир, «Король Лир», действие IV, сцена 6, пер. М. Кузмина. — *Примеч. перев.*

от египетского папируса о Потерпевшем Кораблекрушение, который считается самой старой байкой на свете, после Гомера, Вергилия и «Тысячи и одной ночи», после Дефо, Мелвилла, даже после Эдгара По, Крейна и Конрада со всеми их грандиозными партикаблями бурь и кораблекрушений — что двусмысленно называлось Опрокидыванием Судна, — в списки повествований гордо вступаем мы со своим Хрясть и Хлобысь.

Ф: Чертов точняк. Всех тех парней *предупреждали*: Одиссея, Энея, старину Синьбада этого. Робинзона Крузо. И какъеготам, этого трепача у Конрада.

С: Марлоу.

Ф: Ну. И того парнягу-корсара в «Декамероне»; ты еще его забыла. Ландольфо Руффоло его звали. Его караку бурей вынесло на мели возле Кефалонии.

С: Фенвик Тёрнер, ты меня изумляешь.

Ф: В колледже, бывало, я читал книжки. Господи боже, всех балбесов тех хоть как-то предупреждали; ибицкое предвестие-другое, понимаешь? А у нас: *Хрясть! Хлобысь!*

С: И все эти «ибицкое то» да «ибицкое сё»: такого я не потерплю, Фенн. Люблю я нашу историю; это наша повесть о любви-с-приключеньями должна рассказываться и петься, парить и смешить нас, чтобы плакали мы и затаивали дыханье и так далее, а ты переводишь ее в категорию «Икс», не успели мы добраться до эротических пассажей.

Ф: Считаешь, я мелос поганю.

С: Чертов точняк.

Ф: Хм. А ты знала, что о близнецах есть общепринятый факт: нам свойственна регрессивность, одним из проявлений коей служит бóльшая готовность соскальзывать в турпилоквенцию, нежели у других людей?

- С: В турпилоквенцию.
- Ф: В ибицкое сквернословие. Мы к такому склонны.
- С: Можно осознавать склонность и не вдаваясь в регрессию. Я¹ разве турпилоквечу? Нет.
- Ф: Тебя не сшибло кверху задницей в трюм.
- С: Ты уклоняешься от вопроса, Фенвик. Как бы то ни было, если я верно помню, а помню я верно, та тенденция, на кою ты ссылаешься, более применима к разнополым, а не однополым дизиготам. Я, милый, такого не потерплю. Между нами я к такому привыкла, но в нашей повести никаких ибицких ибицтв не будет.
- Ф: Ты настаиваешь. Перед лицом достоверности.
- С: Ибац достоверность.
- Ф: Мое тебе предложение: я вычеркну из сценария все ибицки, кроме тех, что в этом пассаже, да и те смягчу до «ибицких».
- С: На это я могу согласиться.
- Ф: Но хрясть и хლობьсь останутся.
- С: А необходимо ль?
- Ф: Мой палец же лежал на ибицкой кнопке стартера! Я раздумывал, что сказать тебе после *Сюзи и Фенн*. И тут *Хрясть! Хლობьсь!*
- С: Знай наших, Джо Конрад.
- Ф: Меж тем, Профессор, мы стравили все напряжение сюжета. Кто до сего мгновенья знал, что мы тот шквал переживем?
- С: Что ж было дальше?
- Хрясть! Хლობьсь!* От затишья к такому внезапному тычку, что Фенна сбрасывает вниз по трапу, на руках, ребрах и ногах оставляя могучие синяки, но, к счастью, ничего ему не ломая, остается лишь небольшая ссадина на черепе. Оглушенную секунду он размышляет, что

1 Сьюзен тоже близнец.

взорвалось: двигатель у нас работает на дизеле, но готовим мы на пропане, чьи пары, как известно, оседают в трюмах, как бензиновые, и превращают прогулочные боты в бомбы. Затем он чувствует, что «Поки» качает так, что он¹ чуть на борт не ложится, видит, как Сьюзен вцепилась из последних сил в пиллерс, слышит, как она визжит его² имя, и осознает, вопя в ответ, что рванула-то погода. Он с трудом снова взбирается в рубку и закатывает геную, а Сьюзен у штурвала убирает грот ровно так, чтоб развернуться носом чуть против ветра. Шторм у нас всего пять минут, а волны все круче. Фенвик скатывается вниз, где все в беспорядке, влататься в спасжилет и страховочную привязь, и наплевать пока на штормовку и прочее; после выкарабкивается к опасной работе — зарифить грот. Хоть и пристегнут он к спасательному концу, Сью становится легче, когда работа закончена; штормовым стакселем она ставит «Поки» носом в море, пока грот стоит бейдевинд. Ветер усиливается так быстро, что к тому времени, как Фенн возвращается в рубку и брасопит грота-шкот, мы не справляемся и нужно снова убирать паруса. Ставя их бейдевинд, он медлит, пока Сьюзен

1 Наше судно — длиной 33'4", с тендерным парусным вооружением, управляется штурвалом, вспомогательная силовая установка дизельная, и оно мужского рода.

2 Фенвика Скотта Ки Тёрнера, возраст 50 лет, сына «Шефа» Хермана Тёрнера и Вирджинии Скотт Ки с острова Уай, Мэриленд: бывшего сотрудника Центрального разведывательного управления США, в последнее время (до 1978 года) консультанта этого учреждения; автора «КУДОВ», разоблачения отдела Негласных Служб ЦРУ (НС); в настоящее время — в неоплачиваемом «творческом отпуске» между работами. Но его жена, в браке с кем он состоит семь лет, Сьюзен Рейчел Аллан Секлер, б. г. н., д. ф. [бакалавр гуманитарных наук, доктор философии — *примеч. перев.*], возраст 35 лет, адъюнкт-профессор американской литературы и творческого письма в Вашингтонском колледже, Честертаун, Мэриленд, в настоящем творческом отпуске на полставки за 1979/1980 учебный год, визжит лишь «Фенн!».

облачается в дождевик и жилет и цепляет страховку; затем вторично идет вперед по кренящейся палубе, в воющих брызгах, промокая до нитки и замерзая, зарифить штормовой стаксель и взять два рифа на гроте. Теперь хоть что-то в нашей власти: Сьюзен надежно пристегнута у штурвала, «Поки» временно держится сам, и Фенн поэтому спускается быстренько обтереться, надеть штормовку и закрепить в каюте незакрепленное, после чего вновь поднимается к своей перепуганной подруге.

Вот у нас возникает минутка преходящего досуга, чтобы вместе воскликнуть по поводу внезапной свирепости шторма: *Хрясть! Хлобысь!* Анемометр зависает где-то между тридцатью и сорока узлами, с порывами и крепче того, но между несущимися тучами все равно различимы звезды. Мы оцениваем урон: ссадина у Фенна на голове кровоточит, но неглубокая; автомату управления курсом, похоже, капут; мы черпанули воды и обнаруживаем, что выключатель автоматической трюмной помпы умер, хотя сама помпа работает. На палубе и реях, судя по виду, все закреплено. Мы начинаем если не расслабляться, то хотя б дышать нормальнее.

Но в море бурно и все беспокойнее; ветер не выдает ни признака стиханья; стоять у штурвала — труд такой, что костяшки белеют. Нас обоих встрянуло так, что ни один не в силах спуститься и все оставить второму. Следующие тридцать шесть часов мы не выходим из рубки, разве что кратко отлучаемся в галюн, к радиопеленгатору или на камбуз быстренько заправиться шоколадом, сыром, изюмом, водой, ромом — что б ни закидывалось или заглазывалось спешно. Сменяем друг дружку ежечасно у штурвала и дремлем у переборки рубки под обвесом.